

Алина Бодрова
Сергей Гуськов

Комитет цензуры иностранной как институт культурного трансфера, или судьба итальянских книг и переводов с итальянского в цензурных документах 1830–1850-х годов*

Среди институций, игравших значимую роль в истории рецепции европейских литератур и культур в Российской империи, особое место занимают институты цензурного ведомства – Комитет цензуры иностранной (1828-1917), осуществлявший контроль над изданиями (главным образом иноязычными), выпущенными за границей и предназначенными для продажи или личного пользования в России, а также “обыкновенная цензура”, которая рассматривала переводы, сделанные внутри Империи. В последние десятилетия исследовательский интерес к этим институциям заметно возрос, в том числе в рамках компаративистики и Translation Studies, благодаря социальному и институциональному “повороту” в гуманитарных науках. Изучение проблемы “Перевод и цензура” стало одним из важных сюжетов для международного академического сообщества¹, однако на российском материале имперского периода этот материал все еще изучен недостаточно.

Сами институты цензуры, в том числе Комитет цензуры иностранной, описаны со значительной полнотой – во многом благодаря работам Н.А. Гринченко, Н.Г. Патрушевой и их коллег – постоянных участников сериального издания “Цензура в России: история и современность” (см. прежде всего: Гринченко, Патрушева 2006; Гусман 2001). Однако для истории российской цензуры в целом цензура иностранных и особенно переводных изданий остается, скорее, периферийным сюжетом². В историю переводной литературы цензурный аспект тоже до сих пор плохо интегрирован, за исключением истории публикаций и, соответственно, цензурных запретов канонических европейских авторов (Дж. Байрона, Г. Гейне, В. Гюго, Ж. Санд,

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00761, <https://www.rscf.ru/project/24-18-00761/>, ИРЛИ РАН.

¹ Промежуточные итоги изучения этой проблематики и направления дальнейших исследований описаны в коллективной монографии: Ваер, Merkle 2025. Там же см. основную литературу вопроса применительно к разным национальным историям литературы.

² На этом фоне следует особенно отметить книгу М. Тэкс Чолдин (Tax Choldin 1985), в которой подробно рассматривается цензурная политика в отношении немецкоязычных изданий в царствование Александра II и Александра III.

А. Мицкевича, Данте Алигьери и др.³). При этом, как представляется, последовательное описание цензурных практик – и применительно к оригинальным, иноязычным изданиям, и к переводам на языки Российской империи – позволяет существенно дополнить историю рецепции иностранной литературы в России и точнее описать механизмы русско-европейского культурного и книжного трансфера. Параллельное изучение цензуры собственно иноязычных изданий, которые состояли в ведении Комитета цензуры иностранной, и “обыкновенной цензуры”, в юрисдикции которой находились переводы на русский и другие языки Российской империи, может оказаться плодотворным и важным – для описания цензурных механизмов и их динамичной эволюции, для более точной реконструкции институциональных и социо-литературных факторов, влиявших на особенности циркуляции иноязычных и переводных текстов в Российской империи.

В настоящей статье мы бы хотели проиллюстрировать сказанное рядом примеров из цензурной практики середины XIX века в отношении произведений итальянской литературы, рассмотрев как судьбу книг на итальянском языке, так и их переводов – на европейские языки и на языки народов Российской империи. Цель статьи – продемонстрировать сложные и часто нетривиальные механизмы цензурных решений, не всегда напрямую мотивированные Уставом 1828 года, которым должны были руководствоваться все цензурные ведомства, показать различное отношение цензуры к книгам на разных европейских языках и к переводам на русский и польский языки. Выбор итальянского материала обусловлен, с одной стороны, его относительной компактностью (по сравнению с книгами на французском или немецком языках), с другой – разнообразием каналов и способов рецепции в 1830-1850-е годы (оригинальные итальянские издания; переводы на французский или немецкий языки; переводы на русский язык, переводы на польский язык).

1. *Книги на итальянском языке и политика Комитета цензуры иностранной в 1830-1850-е годы*

Как видно из приведенных ниже ТАБЛИЦ 1 и 2, сочинения на итальянском языке регулярно присутствовали в репертуаре ввозимых в Россию книг, особенно в 1830-е и 1850-е годы, а в 1830-е годы даже опережали по числу наименований литературу на английском языке. В отличие от немецких и французских книг и, с другой стороны, книг “на еврейском языке”, итальянские издания сравнительно редко подвергались запрещению – целиком или “для публики”.

Выразительным исключением стал только 1850 год, когда Комитет цензуры иностранной внес в список запрещенных книг (АС1850а; АС1850б) сразу 28 различных изданий на итальянском языке – больше, чем за восьмилетний период с 1834 по 1841

³ См., например, богатые материалами статьи и публикации: Оксман 1922; Айзеншток, Полянская 1939; Федоров 1935; Полянская 1957.

ТАБЛИЦА I
Новые книги на иностранных языках, рассмотренные Комитетом
цензуры иностранной с 1834 по 1841 год включительно*

	позволенные в целости	позволено с исключением предосудительных мест	запрещенные полностью	иное	общее число	позволено (в %)	запрещено (в %)
на французском языке	2064	444	389	23	2920	70,68	13,3
на немецком языке	3491	336	457	7	4291	81,35	10,65
на польском языке	349	28	48	8	430	81,16	11,16
на итальянском языке	115	6	5	5	131	87,79	3,81
на английском языке	101	6	6	2	115	87,82	5,94
на еврейском языке	167	167	45		379	44,06	11,87
на греческом языке	114		4	2	120	95	3,5
на латинском языке	14	1	2		17	82,35	11,76
на испанском языке	3				3	100	
на богемском языке	2				2	100	
на сербском языке	2				2	100	
на красно-русском языке	1				1	100	
на армянском	1				1	100	
всего	6421	988	956	47	8412	76,33	11,36

* Данные приводятся по *Делу канцелярии министра народного просвещения... по представлению Комитета цензуры иностранной с препровождением двух каталогов книг и двух ведомостей...* (1842): РГИА, ф. 772, оп. 1, № 1531, л. 3 (Общая ведомость о числе новых книг на тринадцати языках в последние восемь лет, с 1834 по 1841 год включительно, рассмотренных иностранною цензурою...). "Красно-русским языком" здесь, по-видимому, назван русинский язык, галицкие наречия: "карпато-русские, иначе чермно- (червоно-, красно-) русские. Эти разные названия означают одних и тех же русинов (русских), живущих на восточной части гор Карпатских в Австрийской Галиции (в Подгории), которая известна была [...] под именем Червоной Руси" (Закревский 1860: VI).

ТАБЛИЦА 2
Общее число иностранных книг, рассмотренных Комитетом
цензуры иностранной с разделением по языкам*

	1844	1846	1847	1848	1849	1851	1853	1854	1855	1856
на французском языке	415	298	281	247	269	534	599	532	704	516
на немецком языке	331	417	305	335	258	534	654	631	514	644
на польском языке	25	51	21	24	19	35	14	4	12	7
на итальянском языке	0	1	0	0	0	2	6	5	5	32
на английском языке	9	24	17	16	33	17	34	25	49	39
всего книг	790	791	627	622	579	1124	1311	1200	1216	1238

* Данные приведены по: Гринченко, Патрушева 2006: 240-242.

год, и больше, чем за первую половину 1850-х годов. Причиной этому было прежде всего политическое содержание этих книг, брошюр и летучих листов, так или иначе связанных с революцией 1848-1849 годов и этим периодом Рисорджименто.

Литературные сочинения на итальянском языке подвергались запрету сравнительно редко – по данным составленной А.Х. Горфункелем картотеки библиотеки Комитета цензуры иностранной, хранящейся в Отделе редких книг НБ СПбГУ⁴, в литературном разделе (шифры Е I или Е II) было выявлено только 6 итальянских изданий: два фривольно-сатирических сочинения Дж. Касти (*Gli animali parlanti. Poema epico* [Italia <sic> 1811; шифр Е I 1407] и брюссельское издание *Novelle* [Bruxelles 1827; шифр Е I 1409]), эпистолярный роман У. Фосколо *Ultime lettere di Jacopo Ortis* (Parigi 1825; шифр Е II 6755), фривольная поэма Доменико Луиджи Батакки (Domenico Luigi Batacchi, 1748-1802) *Raccolta di novelle del padre Atanasio da Verrocchio* (Londra s.a.; шифр Е II 6757) и альманахи *Lunajo do Sciò Tocco* (1849, шифр Е I 1414) и *Lunario Genovese... per l'anno 1849* (Genova 1849, шифр Е I 1415). Можно предполагать, что и в этих случаях причиной запрета изданий было их содержание – чересчур фривольное или острополитическое (как, вероятно, это было с альманахами на 1849 год), что может быть соотнесено с основными причинами запретов, прописанными в § 3 цензурного устава 1828

⁴ Выражаем искреннюю благодарность А.А. Савельеву и Н.И. Николаеву за помощь в работе с материалами библиотеки Комитета цензуры иностранной в Отделе редких книг и рукописей НБ СПбГУ. О библиотеке Комитета цензуры иностранной см.: Горфункель, Николаев 1984: 128-136. Как отмечал А.Х. Горфункель (*Там же*: 130), в НБ СПбГУ хранится основная часть библиотеки Комитета цензуры иностранной (7063 названия в 9282 томах), 1400 книг о России и Польше еще до передачи комитетской библиотеки были отобраны для фондов Библиотеки Академии наук, а оставшиеся после передачи в университетское хранилище 1314 томов книг и 139 томов газет получила Публичная библиотека (ныне РНБ).

года, – “покушение” на истины и догматы христианской веры, нарушение “неприкосновенности верховной самодержавной власти [...] и что-либо противное коренным государственным постановлениям”, оскорбление “добрых нравов и благопристойности”, оскорбительные нападки или клевета на конкретных лиц (У1828: 4-5).

Описав общую практику цензуры иностранной в отношении книг на итальянском языке, перейдем к рассмотрению менее тривиальных случаев, касающихся переводов с итальянского на языки Российской империи. Эти случаи примечательны тем, что решающую роль в решении цензора или цензурного комитета могли сыграть не только само произведение или обнаружившаяся злободневность его сюжета или отдельных сцен, но и тот язык, на который переводился итальянский текст. В 1830-1860-е годы в особенно уязвимом положении находились польские издания и переводы на польский язык, причем цензоры прямо указывали на этот социо-языковой, а в сущности, политический аргумент в своих отзывах.

2. *Цензурная судьба русского и польского переводов романа А. Мандзони Обрученные*

Показательный пример такой цензурно-языковой политики представляет история ранних переводов знаменитого романа Алессандро Мандзони *Обрученные*⁵. Первые фрагменты романа, в переводе на русский язык, сделанном с французского посредника, появились в печати еще в 1827 году (когда вышло первое издание *I promessi sposi*), в 1830-1840-е годы итальянские и французские издания *Обрученных* свободно продавались в различных книжных лавках. Однако попытки издать полные русские и польские переводы романа неизменно наталкивались на различные сложности и препятствия, и первый полный русский перевод *Обрученных*, с вынужденными цензурными купюрами и исправлениями, вышел только в 1854 году (Мандзони 1854). Несмотря на отдаленность места и времени действия “миланской повести XVII века” от николаевской России, отдельные ее эпизоды – прежде всего сцены народного волнения и описание чумы 1629-1631 годов в Милане, наряду с критикой нравов духовенства и произвола власть имущих, – могли прочитываться как неблагонадежно-злободневные на фоне эпидемии холеры 1830-1831 годов, народных волнений, ею вызванных, в том числе петербургского “холерного бунта” в июне 1831 года, и, конечно, Польского восстания, значимым фоном которого также были вспышки холеры.

Сцены городского восстания и беспорядков в Милане вызвали сомнения московской и петербургской цензуры при рассмотрении первого русского книжного перевода, сделанного московским преподавателем математики П.П. Цветковым (Мандзони 1833; об атрибуции перевода на основании цензурных материалов см.: Бодрова 2025: 129-131). Цензор П.И. Гаевский, которому в феврале 1834 года было поручено составить отзыв о 2-й части *Обрученных*, представленной в петербургскую

⁵ Подробнее об истории цензурных злоключений польского и русских переводов Мандзони см.: Бодрова 2025.

цензуру отдельно, был уверен, что роман “в состоянии произвести скорее вред, нежели самонаименьшую пользу”, – и отказался дать цензурное дозволение рукописи перевода, мотивировав свое решение еще и тем обстоятельством, что в последующих томах также могут действовать те же “бунтовщики” (РГИА, ф. 777, оп. 1, № 1228, л. 1). На этом фоне еще выразительнее выглядит отзыв Гаевского о полном польском переводе *Обрученных*, который поступил на его рассмотрение год спустя – в мае 1835 года.

Благодаря переводческому труду Плакида Янковского, замечательного общественного деятеля Западного края, профессора Жировицкой духовной семинарии, Гаевский наконец смог ознакомиться с романом Мандзони целиком и оценить значение сцены миланского хлебного бунта для дальнейшего развития сюжета. И хотя Гаевский был вынужден признать, что сцена народного волнения в Милане не столь страшна и не столь значима, как ему показалось прежде (“две главы, именно 12 и 13-я, содержащие описание помянутого возмущения, составляя эпизод всей повести, могут быть без большого вреда для целого сочинения исключены”), тем не менее в своем отзыве он подчеркивал, что “если бы даже упоминаемые в главах сих происшествия оказались дозволительными в русском переводе, то *едва ли можно допустить их в переводе польском*” (РГИА, ф. 777, оп. 1, № 1273, л. 11-11 об.). Цензурный комитет согласился с резонами Гаевского и постановил эти две главы исключить – из-за этих изъятий и, видимо, еще ряда необходимых перемен, не упомянутых в отзыве, издание польского перевода Янковского, как и прежде перевода Цветкова, не продвинулось далее 1-го тома (Manzoni 1836).

3. *Злоключения польских переводов Й. Кржечковского: Гольдони, Данте и Петербургский цензурный комитет в 1840–начале 1850-х годов*

Сходные опасения, связанные с переводами на польский язык, Гаевский высказывал и позднее. В конце июня 1842 года III Отделение направило в Петербургский цензурный комитет рукопись под названием *Rynaldo z Mont'Albano* – перевод с итальянского на польский трагикомедии К. Гольдони *Rinaldo di Mont'Albano* (1736) – с запросом “уведомить, может ли она быть одобрена к печатанию” (РГИА, ф. 777, оп. 1, № 1666, л. 1). Автором *Rynaldo...* был виленский литератор, переводчик и журналист Ян Гвальберт Йозеф Кржечковский (1809–1852 (?)), издатель альманахов *Znicz* (1834–1835) и *Biruta* (1837–1838)⁶, в конце 1838 года арестованный по делу революционера Шимона Конарского и сосланный в Вятку, где очень нуждался⁷. Положение ссыль-

⁶ Основные биографические сведения о Йозефе Кржечковском см.: Ortelbrand 1864: 229–230; Inglot 1970. Дату смерти Кржечковского удалось уточнить благодаря цензурным документам (об этом см. ниже).

⁷ О ссылке Кржечковского в Вятку, откуда он сумел вернуться не позднее конца 1842 – начала 1843 года, см.: Фоменкова 1988: 182; Перетягина 2012: 261–262. Время возвращения Кржечковского в Вильну определяется по дате издательского послесловия к изданному им альманаху *Rimembranza* (Wilno, 1843), помеченному днем святого Казимира (4 марта 1843 года).

ного или недавнего ссыльного, по-видимому, объясняет необычный путь перевода Кржечковского в цензуру – при посредничестве III Отделения.

Цензор Гаевский, которому было поручено составить отзыв о пьесе, пересказав ее вполне благонамеренный сюжет, восходящий к французскому каролингскому эпосу⁸, вынес следующий вердикт: “...пьеса может быть одобрена к печатанию, потому что направление ее, по моему понятию, вообще не имеет ничего предосудительного. В частности, можно бы было обратить внимание на некоторые монологи и выражения, которые, взятые отдельно, могут показаться с невыгодной стороны, но такое отдельное толкование не должно иметь места там, где направление целого хорошо. Впрочем, если пьеса поступит на окончательное рассмотрение, места эти могли бы быть исключены или смягчены, и то потому только, что это перевод на польский язык” (РГИА, ф. 777, оп. 1, № 1666, л. 3 об.). Для осторожного Гаевского польский язык перевода, как и, вероятно, сложный статус его автора, стал достаточной причиной для рекомендации исключения или смягчения текста на 16 страницах рукописи (*Там же*), даже несмотря на то, что в благонамеренности самого произведения цензор не сомневался. Когда же, по прошествии двух месяцев, рукопись перевода Кржечковского была вновь представлена в Петербургский цензурный комитет для окончательного официального одобрения, цензоры уже без всяких оговорок исключили “из нее красными чернилами места, подлежащие, по мнению Комитета, запрещению”⁹. Учитывая, что рукопись была вновь поручена цензору Гаевскому, можно предполагать, что эти исключенные места совпадали (полностью или частично) с тем списком сомнительных фрагментов, которые при предварительном рассмотрении были отмечены в менее категоричной форме.

В цензурной истории другого перевода Кржечковского избирательность цензорского подхода к переводу итальянской классики также очевидна, хотя непосредственно и не выражена. 30 марта 1851 года Кржечковский, уже имевший некоторую известность в качестве переводчика Данте (см.: Козоговски 1921: 22-23), направил из города Вилкомир Ковенской губернии, где он в это время жил, в Санкт-Петербургский цензурный комитет рукопись перевода на польский язык первой части *Боже-*

⁸ “Вот сущность пьесы: Ринальдо, военачальник французского короля Карла, возвращается из Африки с плененною им дочерью Марокского властителя и застает престол, окруженный врагами, завистниками своей славы. Они употребляют все низкие средства к погублению Ринальдо с сыном, обвиняют его в государственной измене, в возмущении, в противозаконной связи со своею пленницею, в намерении лишить государя жизни и овладеть его короною и пр. Но настоящие преступники суть сами же обвинители: они умышляют на жизнь Карла и на похищение его короны. Злые умыслы их открываются, и они несут достойную казнь, а Ринальдо, как невинный, оправдан и возвеличен больше прежнего” (РГИА, ф. 777, оп. 1, № 1666, л. 2-2 об.).

⁹ Новое прошение из канцелярии III Отделения датировано 27 августа 1842 года (РГИА, ф. 777, оп. 1, № 1666, л. 5). Черновик ответа Петербургского цензурного комитета за подписью его председателя Г.П. Волконского см.: *Там же*, л. 7.

ственной комедии Данте, над которой он работал в том числе в вятской ссылке. Известие о том, что Кржечковский завершил перевод *Ада*, было помещено еще в 1848 году в газете “Tygodnik Petersburski” (1848, 70, с. 497). В этом же номере была напечатана первая песнь *Чистилища* в его же переводе на польский язык, из чего можно заключить, что Кржечковский не планировал ограничиться первой частью *Божественной комедии*. Перевод первых пяти песен *Ада* Кржечковский опубликовал еще в 1843 году в изданном за собственный счет альманахе *Rimembranza* (см.: Krzeczkowski 1843). В саркастической рецензии на это издание отмечалось, однако, что переводы “ужасны и свидетельствуют о том, что переводчик не только не смог уловить красоту оригинала, но и родным языком не вполне владеет” (“Tygodnik Petersburski”, 1843, 61, с. 357).

Несмотря на критику, в 1844 году Кржечковский поместил в той же газете *Литературное объявление* (см.: “Tygodnik Petersburski”, 1844, 47, с. 291-292) с анонсом второго выпуска альманаха *Rimembranza* (сведений о его выходе в свет не обнаружено), в котором среди прочего обещал перевод еще нескольких песен “Божественной комедии”. В объявлении он также отвечал критикам и характеризовал собственные принципы перевода: “...изменить ‘одеяние’ Данте – значит все испортить. Это будет равносильно разрушению *Комедии*. Мы сохраним старинный итальянский ритм, перелагая на родной язык лишь содержание” (*Там же*: 292).

Рассмотрение полного польского перевода *Ада* было поручено одиозному цензору Н.С. Ахматову. Абсурдность его запретов удостоилась неоднократных упоминаний современников-мемуаристов и историков цензуры: “Ахматов был тот самый знаменитый цензор, который цензуруя поваренную книгу Авдеевой, не допустил, чтобы пироги ставились на вольный дух. Тот же Ахматов остановил печатание одной арифметики, потому что между цифрами какой-то задачи помещен ряд точек. Ахматов заподозрил здесь какой-то умысел составителя арифметики” (Скабичевский 1892: 370). Известно, что точки в литературных произведениях могли обозначать исключенные цензурой места, но в учебнике арифметики, разумеется, такого значения не имели. Должность цензора, как писал в дневнике А.В. Никитенко, Ахматов смог получить, потому что председатель Цензурного комитета М.Н. Мусин-Пушкин был его должником (см.: Никитенко 1955, I: 407; а также Чумиков 1899: 625-627).

Как следует из архивных документов (РГИА, ф. 777, оп. 2. 1851 г, № 8, л. 74, 76), между подачей рукописи (март 1851 года) и рапортом цензора прошло почти полтора года (отзыв датирован июлем 1852 года). Ахматов характеризовался современниками как цензор чрезвычайно медлительный и осторожный, но очевидно, что такой срок был чрезмерным даже и для него. Поэтому в рапорте цензор считал необходимым объяснить свое промедление чрезвычайной сложностью поставленной перед ним задачи и аккуратностью ее исполнения. Он сообщал, что должен был “тщательно пересмотреть рукопись, сличить ее с другими переводами *Ада* на русском языке и с самым итальянским подлинником, дабы удостовериться, нет ли сделанных переводчиком изменений или произвольных прибавлений” (*Там же*, л. 76). Впрочем, никаких следов этой работы в рапорте нет, цензором сообщается только, что “некоторые

выражения в переводе не совсем точны, прибавлений произвольных не встречается, кроме разногласия в некоторых примечаниях, которое могло произойти от того, что перевод вероятно сделан с иностранного издания, а находящийся у меня экземпляр сделан в России” (*Там же*, л. 77). Сведениями о том, что цензор Ахматов владел итальянским языком, мы не располагаем. Более того, по убеждению современников, цензор не знал и польского языка. Возможно, что для работы с текстом, переведенным с итальянского на польский, он использовал уже опробованный ранее способ, описанный в воспоминаниях О.А. Пржецлавского, известного публициста, на протяжении многих лет издававшего газету “*Tygodnik Petersburski*”. Пржецлавский вспоминал, что Ахматов, который цензуровал эту газету в течение нескольких лет, не знал ни слова по-польски, а из положения выходил следующим образом: призывал ежевечерне студента-поляка, и тот переводил ему содержание газеты, из-за чего постоянно задерживался выход номера (Пржецлавский 1875: 140-141).

Впрочем, в распоряжении Ахматова, как он указывал в рапорте на имя председателя Санкт-Петербургского цензурного комитета, был некий экземпляр, “сделанный в России”, также он упоминал о сличении польского текста с русскими переводами. Какой именно русский текст использовал Ахматов, из его рапорта остается неясным: к этому моменту (июль 1852 года) в России не существовало полного перевода *Божественной комедии*, однако цензор мог использовать для сравнения отдельные песни *Ада* в переводе П.А. Катенина, С.П. Шевырева или Д.Е. Мина, а также прозаический перевод Е.В. Кологривовой (см.: Данченко 1973: 37). Во всяком случае претензии, которые возникли у цензора Ахматова, касались не качества перевода на польский язык, а содержания *Божественной комедии*. Цензор отметил, что произведение “...представляет [...] духовных и других современных Данту лиц в полном разоблачении грешников”,

притом описываемое вступление в Ад Данта совершается в [...] день Великого поста, руководителем его Вергилием беспрестанно упоминается о встречаемых мифологических существах: Миносе, творящем суд, Хароне, перевозящем души, фуриях, Цербере и т.д., о том, как Эней сходил в Ад искать отца и вскоре говорится о сошествии в Ад Спасителя, изводящего из Ада души; ссылки в примечаниях на места из Священного Писания.

Но независимо от примечаний, по встречающимся местам, которые отмечены мною в рукописи и в русском переводе, при сем представляемом, и которые изменить или исключить без ущерба достоинству образцового творения известного поэта невозможно, а с ними на основании существующих правил перевод этот одобрен быть не может, равным образом и по содержанию самой поэмы считая издание его не современным [вероятно, здесь опечатка, надо: *не своевременным*], полагал бы оставить его без одобрения, о чем имею честь представить на благосмотрение Вашего Превосходительства (РГИА, ф. 777, оп. 2. 1851 г, № 8, л. 76 об.).

Резолюция Мусина-Пушкина на первой странице рапорта повторяла заключение Ахматова: “Возвратить по несвоевременности без одобрения” (*Там же*, л. 76).

Эвфемизм “несвоевременный”, по сути, означал “вредный” и применялся цензорами, когда произведение буквально не противоречило цензурному уставу и распоряжениям начальства, но интуитивно ощущалось как опасное. Такая реакция цензора (напомним, осторожного и даже трусливого) могла быть обусловлена как социальным статусом переводчика (бывший ссыльный), так и языком перевода (польский). В сочетании с другими сомнительными, по мнению Ахматова, характеристиками произведения, это могло сыграть определяющую роль в принятии решения о запрете перевода.

Примечательно, что практически синхронно в Московском цензурном комитете рассматривался перевод *Ада* на русский язык, сделанный Д.Е. Мином¹⁰. Первая песнь с предисловием переводчика появилась в феврале 1852 года в журнале *Москвитянин*. Однако вскоре публикация была приостановлена – цензурный комитет самостоятельно не решился ни запретить, ни дозволить продолжение печатания. 27 сентября 1852 года председатель Московского цензурного комитета В.И. Назимов отправил в Главное управление цензуры рапорт с изложением своих сомнений, весьма сходных с замечаниями цензора Ахматова. В рапорте среди прочего говорилось:

Во всей поэме господствует смешение понятий христианских с языческими, постоянное сближение мифологических вымыслов с истинами христианской религии и изъявление равной веры и равного уважения как к тем, так и к другим. Так, напр<имер>, во второй песни сошествие в Ад и Рай Энея принимается поэтом за такую же истину, как и восхищение на небо Апостола Павла. По содержанию своему поэма эта представляет те же затруднения, какие встретились недавно по поводу перевода поэмы Мильтона *Потерянный рай*, о котором Московским Цензурным Комитетом представлено было на благоусмотрение Главного Управления Цензуры, а посему, согласно с заключением Комитета, полагая, что и поэма Данта не может быть напечатана без разрешения Высшего Начальства, имею честь, по уважению изложенных выше обстоятельств, представить первую часть оной в рукописи на благоусмотрение Главного Управления Цензуры (цит. по: Горохова 1966: 49; сверено по подлиннику: РГИА, ф. 772, оп. 1, № 2906, л. 1-1 об.).

Перевод Мина был рассмотрен повторно на заседании Главного управления цензуры и в отличие от перевода на польский язык, разрешен к публикации с изъятием 20 терцин, отмеченных цензором. Впоследствии и они были восстановлены (см.: Горохова 1966: 50-51).

Что же касается цензора Ахматова, то в том же 1852 году он все же допустил к печати другой труд Кржечковского – перевод на польский язык комедии К. Гольдони

¹⁰ Об авторе перевода см.: Ланда 2019: 295-313. Цензурная история текста изложена в специальной статье Р.М. Гороховой (Горохова 1966), о цензурных сложностях перевода Мина см. также: Ланда 2020: 111–120. Подлинник дела из фонда Главного управления цензуры: РГИА, ф. 772, оп. 1, № 2906.

Ажец. Текст комедии был отправлен переводчику с дозволением на публикацию, но почтамт возвратил эту рукопись нераспечатанной с трагической надписью на конверте: “За смертью обратно в Санкт-Петербург” (РГИА, ф. 777, оп. 2. 1851 г., № 8, л. 82). Таким образом, Кржечковский смог получить в Петербурге одобрение одного из своих переводов, но не смог дожить до этого вожделенного момента.

Решение об исключении из литературного поля общепризнанного шедевра, таким образом, могло зависеть не только от норм цензурного устава, но и от личных качеств того или иного цензора, как в изложенной выше истории с переводом Кржечковского, столкнувшегося с некомпетентным, но лояльным, осторожным и изворотливым Ахматовым. Однако в особенностях цензурной траектории перевода *Ада* очевидно и влияние социально-политических факторов, непосредственно не обозначенных в цензурном уставе (польский вопрос, социальный статус переводчика).

Значение таких, часто внеположных самому переводимому тексту социально-политических факторов демонстрирует и другой цензурный кейс, также связанный с цензурными ограничениями изданий *Божественной комедии* в России. Особую выразительность ему придает тот факт, что в запрещении издания Данте принял участие цензор совершенно иного типа и репутации, которого можно считать антиподом Ахматова.

4. Божественная комедия во французском переводе Ламенне vs цензор А.Н. Майков: затруднения в Комитете цензуры иностранной

В 1855 году на рассмотрение Комитета цензуры иностранной поступило французское издание *Божественной комедии* в переводе Фелисите Робера де Ламенне (de La Mennais, 1782-1854). Благодаря распространенности французского языка и французских изданий в России (см. выше, Табл. 1 и 2) французские переводы-посредники с других европейских языков, в частности с итальянского, имели важное значение для рецепции европейской литературы, философии, политической мысли. Появление французских изданий часто провоцировало начало работы над русскими переводами, которые и во второй половине XIX века зачастую делались с французского, независимо от того, на каком языке было написано оригинальное произведение.

Аббат Ламенне известен, конечно, в первую очередь не как переводчик, а как философ, религиозный мыслитель, политический деятель и издатель. К шедевру Данте он обратился в конце жизни, а перевод *Божественной комедии* был впервые опубликован в посмертном собрании его сочинений. Соответствующий том этого собрания (La Mennais 1855) и рассматривался в Комитете цензуры иностранной.

Рецепция *Божественной комедии* на русской почве, как уже отмечено, была относительно поздней (см., например: Данченко 1973: 6-16). Русские читатели первой половины XIX века знали произведение Данте преимущественно по французским переводам и пересказам, тоже в основном фрагментарным (см.: Ланда 2020: 17-23), поэтому появление нового полного французского перевода было ожидаемо и, веро-

ятно, могло иметь историко-литературные последствия, но не имело, потому что перевод подвергся цензурным репрессиям.

Отзыв об этой книге, как явствует из протокола заседания, был составлен цензором А.Н. Майковым, русским поэтом, знатоком Италии и итальянской литературы, автором поэмы *Сны*, известной как “подражания Данту”, а также поэтического цикла *Очерки Рима*. Сложно себе представить, что Майков мог воспрепятствовать более широкому знакомству русского читателя с *Божественной комедией*. Однако это произошло, хотя, строго говоря, цензор запретил, конечно, не произведение Данте, а его конкретное французское издание, и запретил не полностью, а рекомендовал изъять отдельные места в предисловии.

Основная проблема, вставшая перед цензурой, заключалась в том, что французское издание *Божественной комедии* сопровождалось предисловием Ламенне, в котором излагались его весьма радикальные антимонархические и антиклерикальные взгляды. В протоколе заседания Комитета отмечалось: “автор выражает мысль, что католицизм и свобода народов – понятия, противоречащие одно другому, и что церковная иерархия соответствует монархии” (РГИА, ф. 779, оп. 4, № 135, л. 373 об.) Естественно, что Майков не мог не обратить внимания на подобные фрагменты предисловия, прямо попадавшие под основные запретительные статьи цензурного устава. Тем не менее он любой ценой стремился добиться одобрения книги. О позиции Майкова в протоколе заседания Комитета было сказано: “Принимая во внимание ученое достоинство перевода и то обстоятельство, что он не может составлять предмет чтения для большинства, а тем паче приложенное к нему введение, г. цензор представляет на усмотрение Комитета, не следует ли снисходительно смотреть на эти мысли, не могущие иметь у нас никакого влияния” (*Там же*, л. 373 об.-374). Аргумент о недоступности тех или иных изданий для широкой публики вообще довольно часто использовался цензорами для дозволения различных произведений и в частности произведений на итальянском языке (отдельные примеры см., в частности: Кулакова 2013: 183), потому что итальянский язык в России был не слишком распространенным.

Впрочем, безоговорочного разрешения перевода Данте Майкову добиться не удалось: “Комитет положил позволить означенное издание не иначе как с исключением для публики во введении всей главы ‘О политическом учении Данта’ на основании параграфа 3 Устава о цензуре и примечаниям к ст. 1314 Устава о наказаниях” (РГИА, ф. 779, оп. 4, № 135, л. 374). Хотя Комитет цензуры иностранной запретил не всю книгу, а только ее часть, это решение негативно повлияло на судьбу перевода Ламенне в России. Согласно данным библиографического указателя (Данченко 1973), фрагменты из статьи Ламенне появились в русском издании *Божественной комедии* только в 1896 году, среди текстов, сопровождавших перевод Н.Н. Голованова (Данте 1896: 268-273), а синхронные упоминания о французском переводе Ламенне ограничились короткими заметками о нем в “Отечественных записках” (1856, CIV, 2, отд. VI, с. 125; CVI, 6, отд. V, с. 140), основанными на публикациях во французской прессе.

* * *

Таким образом, на рассмотренных примерах из истории рецепции итальянской словесности в Российской империи можно видеть, что деятельность цензоров, регламентированная уставом и множеством установлений, в реальности к ним не сводилась. Частые отклонения, как смягчающие, так и ужесточающие норму, могли быть обусловлены и личностными, и социальными, и политическими факторами, что безусловно усложняет исследования цензуры имперского периода и по необходимости делает их полифокусными и разномасштабными. Продуктивным направлением в этом отношении представляется развитие институционального подхода к истории цензуры, позволяющего учитывать взаимодействие разных цензурных ведомств на уровне реальной практики, а также рассматривать цензуру в соотношении с институтами литературы и культурного трансфера. С другой стороны, параллельное изучение материалов цензуры иностранной и обыкновенной цензуры применительно к переводам дает важный и объемный материал для описания истории бытования иностранной литературы в России. Подобный взгляд позволит уточнить сами механизмы взаимодействия разных типов трансфера иноязычной литературы в Российской империи.

Сокращения

НБ СПбГУ:	Научная библиотека им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета
РГИА:	Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)

Источники

АС1850а:	<i>Алфавитный список книгам, запрещенным вполне Комитетом цензуры иностранной в январе и марте 1850 года</i> , Санкт-Петербург 1850.
АС1850б:	<i>Алфавитный список книгам, запрещенным иностранною цензурою для публики и безусловно в апреле, мае, июле, августе, сентябре, ноябре 1850 года</i> . Санкт-Петербург 1850.
Данте 1896:	Данте Аллигери, <i>Божественная комедия, пер. с итал. размером подлинника (терцинами) Н. Голованова...</i> , I. <i>Ад</i> , Москва 1896.
Закревский 1860:	Н. Закревский (сост.), <i>Старосветский бандуриста. Малороссийские пословицы, поговорки и загадки и галицкие приповедки</i> , Москва 1860.

- Мандзони 1833: *Обрученные. Миланская повесть XVII века, отысканная и поправленная Александром Манзони, перевод с французского*, I, Москва 1833.
- Мандзони 1854: *Обрученные. Медиоланская быль XVII столетия, найденная и переделанная Александром Манзони, Перевод с итальянского В.С. Межевича*, I-IV, Москва 1854.
- Никитенко 1955: А.В. Никитенко. *Дневник*, I-III, Москва 1955.
- Пржецлавский 1875: О.А. Пржецлавский, *Воспоминания. Цензура прошлого времени*, “Русская старина”, XIV, 1875, 9, с. 131-160.
- У1828: *Устав о цензуре [Утвержден 22 апр. 1828 г., с приложением Штатов и Положения о правах сочинителей]*, Санкт-Петербург 1829.
- Krzeczkowski 1843: J. Krzeczkowski (Тlum.), *Dante Alighieri, Piekło, Pieśni pierwsza – piąta*, в: *Rimembranza, Józefa Krzeczkowskiego*, Wilno 1843, с. 69-120.
- La Mennais 1855: F. de La Mennais (trad.), *Dante Alighieri, La Divine Comédie. Traduite et précédée d'une introduction sur la vie, la doctrine et les œuvres de Dante*, Paris 1855 (= Œuvres posthumes de F. de La Mennais, publiées selon le vœu de l'auteur par E.D. Forgues).
- Manzoni 1836: *Narzeczeni. Powieść Mediolańska z wieku XVII, odkryta i przerobiona przez Alexandra Manzoni. Wolny przekład z Włoskiego P. J. I*, St. Petersburg 1836.

Литература

- Айзеншток, Полянская 1939: И. Айзеншток, Л. Полянская (публ.), *Французские писатели в оценках царской цензуры*, “Литературное наследство”, XXXIII-XXXIV, 1939, с. 769-858.
- Бодрова 2025: А.С. Бодрова, *Цензурная судьба романа А. Мандзони “Обрученные” в контексте социальной истории переводной литературы*, “Русская литература”, 2025, 2, с. 126-139, DOI: 10.31860/0131-6095-2025-2-126-139.
- Горохова 1966: Р.М. Горохова, *“Ад” Данте в переводе Д.Е. Мина и царская цензура*, в *Русско-европейские литературные связи: Сборник статей к 70-летию со дня рождения академика М.П. Алексева*, Москва-Ленинград 1966, с. 48-55.
- Горфункель, Николаев 1984: А.Х. Горфункель, Н.И. Николаев, *Неотчуждаемая ценность. Рассказы о книжных редкостях университетской библиотеки*, Ленинград 1984.

- Гринченко, Патрушева 2006: Н.А. Гринченко, Н.Г. Патрушева (сост). *Комитет цензуры иностранной в Петербурге, 1828-1917: документы и материалы*, Санкт-Петербург 2006.
- Гусман 2001: А.Ю. Гусман, *История несостоявшейся реформы: Проекты преобразования цензуры иностранных изданий в России (1861-1881 гг.)*, Москва 2001.
- Данченко 1973: В.Т. Данченко, *Данте Алигьери. Библиографический указатель русских переводов и критической литературы на русском языке: 1762-1972*, Москва 1973.
- Кулакова 2013: Е.А. Кулакова, "Что нужно Лондону, то рано для Москвы": иностранные книги в российском обществе второй четверти XIX века, в: *Цензура в России: история и современность: сборник научных трудов*, VI, Санкт-Петербург 2013, с. 179-191.
- Ланда 2019: К.С. Ланда, *Дмитрий Мин – переводчик и комментатор "Божественной комедии" Данте*, "Вестник Российской христианской гуманитарной академии", XX, 2019, 3, с. 295-313, DOI: 10.25991/VRHGA.2019.20.3.059.
- Ланда 2020: К.С. Ланда, "Божественная Комедия" в зеркалах русских переводов: К истории рецепции дантовского творчества в России, Санкт-Петербург 2020.
- Оксман 1922: Ю.Г. Оксман, *Борьба с Байроном в Александровскую и Николаевскую эпоху*, "Начала", II, 1922, с. 256-263.
- Перетягина 2012: А.В. Перетягина, *Польские повстанцы в Вятской ссылке: материально-правовой аспект*, в: *Стратегия экономического, политического, социокультурного развития регионов в условиях глобализации. Материалы Международной научно-практической конференции*, Березники 2012, с. 261-262.
- Полянская 1957: Л.И. Полянская, *Цензурные дела об издании произведений Мицкевича в России*, в: М.П. Алексеев (отв. ред.), *Адам Мицкевич в русской печати 1825-1955*, Москва-Ленинград 1957, с. 467-470.
- Скабичевский 1892: А.М. Скабичевский, *Очерки истории русской цензуры (1700-1863 г.)*, Санкт-Петербург 1892.
- Федоров 1935: А.В. Федоров, *Генрих Гейне в царской цензуре*, "Литературное наследство", XXII-XXIV, 1935, с. 635-678.
- Фоменкова 1988: В.М. Фоменкова, *Польские революционеры XIX в. на Вятской земле*, в: *Политическая ссылка и революционное движение в России. Конец XIX-начало XX в.*, Новосибирск 1988, с. 180-188.
- Чумиков 1899: А. Чумиков, *Мои цензурные мытарства. Воспоминания*, "Русская старина", XCIX, 1899, 9, с. 617-627.

- Baer, Merkle 2025: D. Merkle, B.J. Baer (eds.), *The Routledge Handbook of Translation and Censorship*, London 2025.
- Inglot 1970: M. Inglot, *Krzczkowski Jan Gwalbert Józef*, в: *Polski Słownik Biograficzny*, XV/4, Wrocław-Warsaw-Kraków 1970, с. 507-508.
- Koczorowski 1921: S.P. Koczorowski, *Dante w Polsce: bibliografia przekładów dzieł jego tudzież prac jemu poświęconych a w Polsce lub przez Polaków wykonanych ze wstępem, przypisami i wzorami przekładów*, Kraków 1921.
- Orgelbrand 1864: S. Orgelbrand (red.), *Encyklopedia Powszechna*, XVI, Warszawa 1864.
- Tax Choldin 1985: M. Tax Choldin, *A Fence around the Empire: Russian Censorship of Western Ideas under the Tsars*, Durham 1985.

Abstract

Alina Bodrova, Sergei Guskov

The Foreign Censorship Committee as an Institution of Cultural Transfer: The Fate of Italian Books and Translations from Italian in Censorship Documents of the 1830s-1850s

The article investigates foreign censorship as an institution of cultural transfer in the Russian Empire and its impact on the reception of Italian literature between the 1830s and 1850s. Drawing on archival materials, the authors demonstrate that censorship decisions were determined not only by the norms of the Censorship Statute (1828) but also by a broader constellation of factors including the contemporary political climate, the language of translation, the social status of translators, and the personal predispositions of censors. Special attention is given to the contrasting trajectories of original Italian editions and translations from Italian within the imperial censorship system. While books in Italian were rarely banned (except in the late 1840s), translations from Italian – especially into Polish – frequently provoked censorship interventions. Through case studies of Russian and Polish translations of Alessandro Manzoni's *The Betrothed*, Polish translations of works by Carlo Goldoni and Dante Alighieri, and the French prose translation of *The Divine Comedy* by Félicité Robert de Lamennais, the study reveals the complex and mutable mechanisms that governed institutional control over foreign and translated texts.

Keywords

Censorship in the Russian Empire; Institutions of Literature; Translation Studies; Alessandro Manzoni; Dante Alighieri.